

Германія „проснулась“

Критика демократіи изначально входила в задачу «Нового Града», но вопроса: «демократія или фашизм?» «Новый Град» никогда не ставил. С самого начала нами были твердо заняты опредѣленно демократическія, вѣрнѣе неodemократическія позиціи. Сокрушительный удар, нанесенный націонал-соціалистами германской демократіи, не может не ощущаться нами, как удар по нашему дѣлу. Успѣх Гитлера требует потому точнаго анализа и ясных выводов.

Самое потрясающее во всем происшедшем в Германіи это не сила фашистскаго натиска, а безсиліе нѣмецкой демократіи и прежде всего соціал-демократіи. В борьбѣ против своего врага она не обнаружила и сотой доли того героизма, что проявила наша молодая февральская республика в дни октября. Она пала так же безславно, как монархія Николая II. Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокаго культурнаго уровня, опытная в дѣлах государственнаго управленія и гордая своими спортивно-боевыми организациями, нѣмецкая соціал-демократія сдалась на милость побѣдителя, не только не успѣв поднять вооруженной руки, но не успѣв даже громко крикнуть о своей гибели.

В сущности все было проиграно уже 20 іюля 1933 года, когда министр Северинг без боя сдал «красную Пруссію» Папену. 5-го марта еще обильно подавались тайные голоса за соціал-демократическіе списки, но рабочаго народа на улицах уже не было. Одними правительственными арестами этого отсутствія не объяснишь. В послѣднем счетѣ оно объяснимо лишь полной утратой воли к борьбѣ и вѣры в побѣду. Странную картину являли в роковое для Германіи воскресенье улицы больших городов: повсюду неустанно разѣзжали столь знакомые и ненавистные нам грузовики. Пахло гарью и кровью. Но одновременно в воздухѣ было и нѣчто совсѣм другое: своеобразное народное гулянье. Грузовики были полны безоружных людей.

Из них торчали злые пулеметы, к ним были прилажены радио-аппараты. Гремѣла музыка. Улицы подпѣвали. В отвѣтъ на фашистскія привѣтствія желторубашечников с тротуаров обильно подымались обывательскія руки. Поднять сжатый кулак — жест желѣзнаго фронта — никто не рискнул. Вечером в газетах появилось извѣстіе, что глава социалистическаго правительства Пруссіи Браун переѣхал в автомобиль границу. Извѣстіе это прозвучало, как официальное подтвержденіе смерти веймарской Германіи. Со слѣдующаго утра начался страшный процесс разложенія: приспособленія всѣх к новому положенію вещей и к новым властителям положенія.

Характернѣйшею чертою побѣды Гитлера над демократіей является то, что он обезоружил и разбил демократію в концѣ концов демократическими же средствами и на почвѣ правового государства. Приход к власти Гитлера означает таким образом не столько разгром принципа политической демократіи, сколько разгром психологическаго и духовнаго склада нѣмецких социал-демократов, на голову разбитых своим оружіем во вражьих руках. «Позор социал-демократіи», пишет орган социал-демократической молодежи, «не в том, что она разбита и обезсилена, но в том, что она вынуждена признать, что лишь Гитлер показал ей, что значит, голосуя, бороться, и, борясь, голосовать; что значит владѣть инстинктами, порывами, слабостями и симпатіями своего народа». Правилен ли этот упрек молодежи, направленный по адресу старых идеологов и матерых вождей нѣмецкаго рабочаго движенія? И если правилен, то в чем его подлинный смысл?

Побѣжденных всегда судят слишком строго. Не будем впадать в эту ошибку. Отдадим должное нѣмецкой социал-демократіи. Вспомним прежде всего, что она приняла власть в момент полнаго политическаго и экономическаго разгрома роди-

ны, что на ея пути все время возникали величайшія трудности: организованная тяжелой промышленностью инфляція, активность поддержаннаго Москвой коммунизма, сепаратизм в прирейнских областях, общій хозяйственный кризис, рост безработицы и многое другое. Несмотря на всѣ эти трудности, возглавляемая нѣмецкой социал-демократіей молодая веймарская республика не потеряла головы, не допустила якобински-большевицкаго срыва революціи. За годы своего сначала активнаго, а затѣм пассивнаго пребыванія у власти, нѣмецкая социал-демократія (партія классовою борьбы) проявила неожиданно много готовности к соглашенію, пониманія объективнаго положенія вещей, чувства мѣры, свободы и терпимости. Всѣх этих демократических добродѣтелей, которых могло бы хватить на устройство жизни рабочаго класса во вполне благополучной странѣ, в послѣвоенной Франціи или Чехословакии, для Германіи оказалось мало. Нѣмецкая социал-демократія пала потому, что не поняла выпавшей на ея долю задачи; не поняла, что надо было не столько устраивать рабочій класс в старом мірѣ, сколько перестраивать старый мір; строить не только рабочія квартиры с центральным отопленіем, но перестраивать духовный и культурный центр социальной жизни. Только смѣлым водительством, только подлинно творческим почином могла бы молодая демократическая республика спасти себя и Германію от того страшнаго пути, по которому понеслись нынче событія. На такое водительство она оказалась не способной. Причин этой неспособности великое множество. Главныя суть: во-первых — духовный провинциализм официозно-марксистскаго міросозерцанія; во-вторых — нечувствительность, а зачастую и враждебность марксистских вождей ко всѣм первоэданностям духовной и социальной жизни, к Богу и родинѣ, к нерасторжимой связи крови и духа и мистикѣ власти; и в-третьих — мѣщанскій уклад большинства социал-демократических душ, жаждавших успокоенія и тишины в эпоху землетрясеній и смерчей.

Система Маркса, как почти всё глубокія исторіософскія концепціи исполнено неразрѣшимых противорѣчій. С одной стороны, Маркс утверждает, что осуществленіе социализма гарантировано неотмѣнимыми законами исторического развитія; с другой, он требует от рабочаго класса жертв и борьбы для осуществленія социализма. Одностороннее подчеркиваніе перваго момента ведет к науковѣрческому и эволюціонному истолкованію марксизма. Подчеркиваніе второго — к ирраціонально-профетическому. В профетическом истолкованіи марксизма вѣра в законы исторіи не исчезает окончательно. Она лишь окрашивается в иной цвѣт. Маркс эпохи «Коммунистическаго Манифеста» не менѣе опредѣленно, чѣм Маркс третьяго тома «Капитала», утверждает н е и з б ѣ ж н о с т ь социализма. Но в молодом Марксѣ страстно звучит еще и вторая тема — напряженнаго ожиданія в сущности у ж е д а н н а г о социализма. В этом сліяніи вѣры в неизбежность социализма, этого царства Божьяго на землѣ, с неустанной боязнью: а вдруг не свершится — коренится ветхозавѣтно-эсхатологическая тема марксизма. Эта огненная тема творчески-дѣйственаго и лично-страстнаго ожиданія обѣтованной земли социализма начала гаснуть в нѣмецкой социал-демократіи уже очень давно. Успѣх ревизиознизма и изувѣрство Ленинскаго пониманія значенія личности в исторіи окончательно убили ее.

Потеря живой связи с ней лишила германскую социал-демократію и пафоса творчества и жажды борьбы. Сильный у Маркса эпохи «Капитала» буржуазный дух науковѣрческаго экономизма всецѣло завладѣл партіей, превратив ее генеральный штаб в институт научнаго изслѣдованія социологических и экономических шансов на успѣшное устройство «революціоннаго» пролетаріата в разваливающемся капиталистическом хозяйствѣ.

Надо ли доказывать и объяснять, что такой упрощенный марксизм оказался не в силах связать себя со сложнѣйшими настроеніями и переживаніями разбитаго войной и революціей германскаго народа?

Как всегда бывает в катастрофическія эпохи, в катастрофическіе для Германіи послѣвоенные годы стали отовсюду со-

бираться, подыматься и требовать выхода в реальную жизнь иррациональных глубины народной души. Углубилась, осложнилась, но и затуманилась религиозная жизнь. Богословская мысль выдвинулась на первое место, философия забогословствовала, отказавшись от своих критических позиций; в среде молодежи и в особенности в студенчестве начали всюду образовываться религиозные кружки. Развелось большое количество сект. Поднялась, как устанавливают специальные научные исследования, волна эсхатологических чаяний и темных суеверий. Возглавляемая социал-демократией, лѣво-буржуазная Германия всего этого ни понять, ни принять не могла. Для нея всё религиозно-мистическія настроенія, волновавшія молодежь, сливались в темную муть психологической реакционности, пореволюціоннаго упадочничества проигравших войну и разбитых революціей классов. В муках народной души она не услышала голоса Божьяго.

Выше религиозной волны стала сразу же послѣ революціи подыматься волна національнаго чувства и націоналистическаго честолюбія. Германия не могла помириться с тѣм, что проявленные ею в годы войны сила духа и вдохновеніе ратнаго подвига были перед лицом міра и истины начисто отмѣнены Версалем. Непримиимость эта к тому же неустанно питалась несправедливым и в политическом документѣ неумѣтным исторіософским положеніем о нравственной отвѣтственности Германіи за войну. Внесеніем этого пункта в Версальскій трактат западная демократія сильно затруднила работу германской демократіи над перевоспитаніем довоенной Германіи.

Как в религиозной, так и в націоналистической волнѣ сливались, конечно, явленія самаго разнообразнаго порядка: лирическія мечты о прошлом со злою ненавистью к настоящему, брюзжаніе стариков с надеждами молодежи, реакція с революціей, смерть с творчеством. Всей этой сложности германская социал-демократія не услышала и не поняла. Не услышала она прежде всего новаго творческаго звука в пореволюціонном національном подъемѣ. Упрекать нѣмецкую социал-демократію в пораженчествѣ или хотя бы только в отсутствіи патриотизма нелѣпо. Свой долг перед родиной она исполнила. Но она ис-

полнила его без вдохновенія, как свой тяжкій и горькій долг. В отвѣтъ на нападки націоналистов она с гордостью указывала на раненых и павших на войнѣ социалистов. В отвѣтъ на упреки в пацифизмъ и пораженчество, она напоминала, что в 1848 году Маркс и Энгельс были за освободительную борьбу против Россіи, а при случаѣ даже и против Даніи, Англии и австрійских славян; что в 1870 г. они высказывались за національную войну против Наполеона и что, предчувствуя мировую войну, Энгельс еще в 90-х годах выступал в печати за оборонительную войну против Россіи и Франціи. Всѣ эти указанія вѣрны, но о вѣяніи живого національнаго чувства в рядах нѣмецких марксистов-социалистов они все же не свидѣтельствуют. Не свидѣтельствуют потому, что во всѣх трех случаях рѣчь идет в сущности не о защитѣ родины, а о военной защитѣ социалистическаго движенія. В 70 году вожди нѣмецкаго социализма были не только против Наполеона, но и против Бисмарка, а, высказываясь за грядущую войну против Россіи и Франціи, Энгельс прежде всего мечтал о революціи и о захватѣ власти рабочим классом. Ясно, что такое отсутствіе первозданнаго національнаго чувства, а часто и его принципиальное заподозриваніе в лицемеріи и скрытой реакціонности было возвращено в нѣмецком пролетариатѣ господствовавшим в феодально-буржуазных слоях довоенной Германіи отождествленіем національнаго начала с началами собственничества и солдатчины. Объясненіе это вѣрно; но объясненіе не оправданіе. Захватив власть в свои руки, социал-демократія должна была понять, что, принимая на себя водительство національно уязвленной Германіи, ей в цѣлях предупрежденія націоналистическаго озвѣренія необходимо было освободиться как от буржуазно лживаго утвержденія націи, так и от марксистски безпредметнаго умаленія ея. Пойми нѣмецкая социал-демократія, что трудовой народ способен на гораздо болѣе глубокое утвержденіе принципа націи, чѣм феодально-буржуазные классы, она, быть может, и рискнула бы встать во главѣ національно-социалистическаго возрожденія послѣвоенной Германіи. На горе нѣмецкаго народа она этого не поняла и продолжала творить свое социалистическое дѣло не как общенародное, а как партійное,

т.-е. продолжала творить его в рамках того самого капиталистического строя, против которого до побѣды боролась и в котором послѣ побѣды начала устраиваться. Так за чрезмѣрную свою осмотрительность в дѣлѣ той переплавки капиталистического хозяйства в социалистическое, которая одна только могла начать превращеніе партійных пролетаріев в надпартійных рабочих, нѣмецкая социал-демократія заплатила неожиданно быстрой и позорно безболѣзненной утратой политической власти.

Вся сложность этих вопросов сказалась прежде и трагичнѣ всего на взаимоотношеніи социал-демократіи и арміи. И тут нѣмецкую социал-демократію как будто не в чем упрекнуть. Но в этом то «как будто» все и дѣло. Начав с вотирования военного бюджета в 1914 году, она и в 1929 высказалась за построеніе военного крейсера. Но она высказалась за него с нечистой совѣстью. Высказаться же с чистой не могла, так как и к созданной ею самой новой арміи чувствовала так же мало симпатіи, как к довоенной монархической. Не сумѣвъ зачечься новым пореволюціонным національным чувством, нѣмецкая социал-демократія не смогла обрѣсти в своей душѣ и той любви к власти, без которой созданіе народно-республиканской гвардіи было явно невозможно. За отсутствіе в рядах нѣмецкой демократіи ощущенія правды и мистики власти, пришлось расплачиваться самому крупному политику пореволюціонной Германіи, Брюнингу, который в послѣднем счетѣ должен был подать в отставку из-за недовѣрія республиканской арміи к социал-демократіи, поддерживавшей его кабинет.

Конечно, не всѣ нѣмецкіе социал-демократы были людьми дореволюціоннаго, неадекватнаго дѣйствительности сознанія. Были в ней и новые люди, прекрасно понимавшіе характер эпохи, предупреждавшіе, что устоять можно лишь в постоянном движеніи и неустанном творческом напряженіи. Голоса этих людей не были однако услышаны. Дореволюціонная компанія старорежимных революціонеров сознательно и бессознательно отгѣсняла пореволюціонную элиту партіи от власти. Она боялась и ея пророческаго пафоса, стремившагося к уничтоженію буржуазно-просвѣщенских элементов в марксизмѣ, и ея религіоз-

ных, отчасти христіанских устремленій, и ея требованія переустройства капиталистическаго хозяйства на началах плановости, и ея новаго ощущенія націи, и ея пореволюціоннаго пониманія власти, как мощи національнаго творчества, и ея стремленія к замѣнѣ марксистскаго интернаціонализма соціалистическим транснаціонализмом. Пока новые, творчески встревоженные, озабоченные люди боролись за власть в партіи, партія, руководимая слишком спокойными людьми, ставившими на успокоеніе міра, потеряла власть над политической жизнью Германіи. Разгром Веймарской Германіи, разгром буржуазной демократіи и демократическаго соціализма гитлеровским движеніем, взошедшим, как тѣсто на дрожжах, на идеѣ коммунистической опасности, на двадцать процентов реальной, на восемьдесят вымышленной, является безспорным доказательством правильности «новоградскаго» ощущенія эпохи. Радоваться тому, что «покой нам только снится», однако не приходится. Невольно вспомнится слѣдующая строчка пророческой поэмы Блока.

Являясь побѣдой пореволюціоннаго идеократизма над всѣми безыдейными дореволюціонными партіями и теченіями, націонал-соціализм является одержимым и побѣдою пореволюціоннаго зла над пореволюціонным добром; не шагом к новому средневѣковью, а прыжком в нѣкое новое варварство.

Восторжествовал (надолго ли, сказать еще нельзя, но опасаемся, на очень долго) націонал-соціализм не сразу. На своем побѣдоносном пути он, кромѣ своего главнаго противника, марксизма, разбил еще двѣ значительныя силы: католическую церковь, т.-е. партію Центра и реакціонный націонализм в лицѣ Гугенберга, Папена и Зельдта, вождя «Стальной Каски». Центр он разбил при помощи реставраціонно-романтической реакціи, эту послѣднюю путем превращенія ея из откровеннаго противника в союзника поневолѣ.

Здѣсь не мѣсто изложенію и политическому анализу всѣх перипетій этой борьбы. Важно лишь дать себѣ ясный отчет в том, почему всѣ противостоявшіе націонал-соціализму силы были поочередно разбиты, и почему поле брани осталось за Гитлером?

Центр первым отчетливо понял угрожающее положение Германии и правильно наметил пути к спасению. Если бы правда Брюнинга и стоявших за ним кругов оказалась бы достаточно сильной, Германия, по всей вероятности, была бы спасена. Брюнинг понял, что в общем честная и гуманная немецкая демократия больна бездейственностью и безволием, что машина парламентаризма расшатана и неработоспособна, что надо переходить к каким-то новым формам государственного управления. В качестве такой новой формы он принял за создание «президентального кабинета», связанного с парламентом не постоянным сотрудничеством, а лишь повторяемыми время от времени актами доверия канцлеру и правительству. Вынужденный к превращению принципа парламентаризма из принципа «конститутивного» в принцип «регулятивный», Брюнинг искал опоры во власти президента (верховного главы армии), в государственном совете, т.-е. в совете государств и в профессиональных союзах. Принялся Брюнинг за такое переустройство государственного аппарата в новом «авторитарном духе» потому, что одним из первых понял, что Германия живет иллюзиями, фиктивным богатством, не то как легкомысленный мот, не то как зарвавшийся должник, потерявший всякую надежду выбраться из своего положения. Отсюда и родились его непопулярные суровые меры по оздоровлению бюджета, решительные сокращения государственных расходов, резкое уменьшение жалования чиновникам и целый ряд других мероприятий. Но, конечно, планы Брюнинга шли гораздо дальше этих паллиативов; и шли они все в направлении государственного вмешательства в хозяйственно-промышленную жизнь страны. Брюнинг замыслил, а отчасти уже начал и осуществлять государственный надзор за банками, государственное регулирование взаимоотношений предпринимателей и рабочих, раздел неспособных к хозяйственному оздоровлению помещичьих имений, колонизацию восточной Пруссии и организацию безработных в вольные трудовые дружины с предоставлением им государственной возможности к осуществлению ряда важных и полезных для народного хозяйства работ.

Все эти меры проистекали у Брюнинга из глубокого религиозно-нравственного источника. В национальном подвиге все-

общаго отрезвленія, в сознательной рѣшимости на трудовую, суровую жизнь, в готовности всѣх классов и кругов общества на взаимныя уступки и жертвы видѣл Брюнинг единственную возможность успѣшной борьбы против несправедливостей Версальскаго договора. В Брюнингѣ была жива и сильна вѣра в какую-то міровую справедливость: он постоянно и упорно повторял в своих рѣчах, что европейскій мір придет Германіи на помощь, когда убѣдится, что всѣ средства самопомощи ею исчерпаны.

Соціологической базой задуманнаго им хозяйственно-политическаго переустройства Брюнинг представлял себѣ объединеніе всѣх партій, за исключеніем тѣх крайних, что, ощущая себя (по крайней мѣрѣ в потенціи) в с е й Германіи, ни на какія ни с кѣм объединенія не шли и итти не могли. Отношеніе к коммунистам и к націонал-соціалистам было впрочем у Брюнинга неодинаковым. С коммунистами он, как канцлер, не разговаривал, с націонал-соціалистами вел переговоры в надеждѣ, что они образумятся. Когда убѣдился, что это невозможно, рѣшился при знаменательной поддержкѣ будущаго военнаго министра Шлейхера на крутую мѣру роспуска націонал-соціалистических штурмовых дружин, что, по сложному стеченію обстоятельств, в анализ которых входит здѣсь не мѣсто, послужило одною из наиболѣе важных причин крушенія его плана и восхода эры Папена-Шлейхера, приведшей к торжеству націонал-соціализма.

В чем же дѣло? Почему все случилось так, как оно случилось? В чем главная ошибка Брюнинга? На чем сорвался этот умный, волевой, осмотрительный и одновременно смѣлый политическій дѣятель? Обстоятельный отвѣтъ на этот вопрос дадут в будущем подробныя историческія изслѣдованія. Но главное уже и сейчас как будто бы ясно. Будучи во многом человѣком новаго пореволюціоннаго сознанія, Брюнинг не проявил на посту канцлера достаточно остраго ощущенія стилия той эпохи, в которой ему суждено было дѣйствовать. Отталкиваясь от массы и человѣка-массовика, он рѣдко показывался в шумных собраніях. Его тонкаго лица, лица ученаго и прелата, народ не

знал. Для народа, работающей с раннего утра до поздней ночи за своим письменным столом, канцлер Брюнинг был скрыт под шапкой-невидимкой. В его дѣловых, разумных рѣчах, цѣломудренно скрывавших религиозно-нравственную страстность, никогда не звучало желанія заслужить одобреніе тѣх масс, что непрерывно кипѣли вокруг него во всѣх цирках и спортингах Германіи.

Отталкиваніе это психологически понятно и нравственно правильно. Но психологической чуткости и нравственной тонкости в политикѣ мало. Психологическая ошибка Брюнинга заключалась, очевидно, в том, что, отрицая потворство массам, он не сумѣлъ быстро учесть и рѣшительно оформить неизничтожимую в современных массах и по существу праведную жажду политическаго творчества. Ему представлялось, что массы кипят исключительно потому, что жизнь пришла в разстройство, что растут голод, нищета и безработица, что достаточно все удумать, все устроить, и жизнь придет в норму. Этот расчет не мог не оказаться просчетом, ибо норма современной жизни не только в том, чтоб рядовой человек был сыт, одѣт, обут и так поставлен в жизни, чтобы имѣть возможность, в мѣру своих потребностей, пользоваться культурными благами жизни, но и в том — быть может, главным образом в том, — чтобы чувствовать себя ея призванным участником и отвѣтственным создателем. Было бы неправильным сказать, чтобы Брюнинг совсѣм этого всего не чувствовал. При нем началось созданіе государственнаго объединенія всѣх массовых военно-спортивных организацій; при нем начали разрабатываться планы общественных работ; он первый начал по радіо говорить со всѣм народом. Все это так — и все же во всем этом не было ощущенія стилиа современной массовой души, не было мистики современности. Думаю, что Брюнинг и по радіо то заговорил прежде всего потому, что ему представлялось важным, чтобы каждый человек мог разсудительно выслушать его доводы, сидя у себя дома в обычной обстановкѣ. Радіо было для него техническим средством с каждым говорить на ухо, т.-е. средством борьбы против массоваго психоза. Чтобы понять, чего не хватало Брюнингу, лучше всего сравнить

его манеру пользования радіо с манерою націонал-соціалістического м. пользования того же технического средства.

Как только Гитлер был назначен канцлером, націонал-соціалісты захватили радіо в свои руки. Но они в большинстве случаев передавали не рѣчи своего вождя, говорящего из кабинета, а его выступленія на митингѣ. Дѣлалось это с большим искусством. Кто-нибудь из приближенных Гитлера брал на себя ту роль, которую в античных драмах играет вѣстник, рассказчик событий. Глазам слушателя представлялся Берлин, спортинг, толпы, лѣстница, шпалеры, знамена. Потом в ушах раздавалась музыка: марши, гимны, пѣсни. Наконец, аплодисменты: сначала одинокіе хлопки, затѣм все учащающіеся и нарастающіе взрывы и, наконец, бушующее море звуков. Звуковая картина с абсолютной точностью очерчивает линію продвиженія вождя от автомобиля сквозь толпу к эстрадѣ. Звуки, как по командѣ, обрываются. Невидимый вождь ощутимо входит в мертвую тишину паузы и, как ракета, взвивается рѣчь. Каждый человек в самом отдаленном углу Германіи приобщен к происходящему в столицѣ грандіозному событію и вовлечен в круговорот кипящей народной души.

Отсутствіе вот такого, характернаго для націонал-соціалістов, остраго ощущенія эпохи (радіо только случайный примѣр) сыграло немалую роль в паденіи кабинета Брюнинга и тѣх сил, что стояли за ним. Ощущай Брюнинг сильнѣе требованія эпохи: ея коллективистической дух, жажду толпы сгрудиться, жажду массы выстроиться, всеобщую любовь к спорту и рекорду, привычку всѣх автомобилистов и мотоциклистов к бѣшеным скоростям, всѣх лыжников и пловцов к головокружительным прыжкам, неприятіе рядовым современным человеком идеи-мысли и требованія идеи-силы, всеобщую любовь к вождю и власти и волю к подчиненію, — он, быть может, и справился бы с тѣми двумя основными трудностями, что встали на его пути: с глухим сопротивленіем арміи его связи с соціал-демократіей и с ненавистью прусскаго юнкерства к его соціальной политикѣ, направленной против нежизнеспособных остатков земельно-феодальнаго строя. День паденія Брюнинга — день трагического расхожденія подлинно пореволюціонной

истины с пореволюціонным стилем эпохи и тѣм самым день перерожденія пореволюціоннаго добра в пореволюціонное зло.

Анализ этот не обвинительный акт. Морализировать над исторіей надо с большой осторожностью. Нельзя также забывать, что злу побѣждать жизнь много легче, чѣм добру: добро закипает только при ста градусах Цельсія; зло уже при пятидесяти.

Послѣ паденія Брюнинга націонал-соціалисты не сразу пришли к власти. Дух старой Германіи и в особенности Пруссіи, дух феодальных воспоминаній и воинских доблестей оказал им очень серьезное сопротивленіе. Не имѣя за собой никаких масс, не возглавляемые вождем, если не считать полумифическаго Гинденбурга, защищая незащитимые интересы гибнущих классов, ничего не понимая в духѣ и стилѣ эпохи и имѣя на совѣсти блестяще проведенную, но все же проигранную войну, ввергнувшую народ в величайшее несчастье, Гугенберги, Папены и другіе націоналисты-дѣльцы и націоналисты-романтики оказались несоизмѣримо сильнѣе соціалистов и демократов. Очевидно, сказались: привычка к власти, наследственная самоувѣренность, умѣнье работать и рисковать, злое презрѣніе к плебсу и страстная любовь к уходящему міру. Разбить націонал-соціалистов в открытом бою реакціи однако не удалось. Несмотря на то, что Папен вернул націонал-соціалистам форму и свободу дѣйствія и разгромил социал-демократію Пруссіи, гитлеровцы за ним не пошли. Наоборот, в момент наибольшаго торжества старой Германіи молодой пореволюціонный национализм с особою остротою возстал против Гугенберга, Папена и Стальной Каски. В день осенняго парада стальношлемцев в Берлинѣ главный орган націонал-соціалистов напечатал против них грозную статью под заглавіем «Ночные сторожа папенской реакціи», а через нѣсколько времени націонал-соціалисты голосовали в прусском ландтагѣ вмѣстѣ с коммунистами и социал-демократами против «враждебной народу авторитарной диктатуры Гинденбурга-Папена», защищая не только демоктію, но и «парламентскую демократію». Во всем этом было, конечно,

очень много демагогии, но не надо утѣшать себя — не все было демагогией, было и ясное сознание своего дѣла, как народнаго движенія, связаннаго с массами, своеобразно-революціоннаго и стилистически чуждаго реставраціонной авторитарной реакціи.

Сила, проявленная этой реакціей, оказала все же свое дѣйствіе и на націонал-соціалистов и на всю страну. Ворожба гитлеровскаго движенія начала убывать, марево разсѣиваться. Ряд коммунальных и университетских выборов нанес націонал-соціалистам серьезный удар. Рѣзкая борьба націонал-соціалистов против Гинденбурга и Папена оттолкнула от них большинство шедших с ними помѣщичьих элементов. Титулованное дворянство стало все опредѣленнѣе равняться на Папена. Оно почувствовало в Гитлерѣ маляра и испугалось в нем соціалиста. Начинался націонал-соціалистическій бѣг на мѣстѣ. В минуту максимальнаго внутренняго расхожденія противники внезапно соединились и, соединившись, поклялись друг другу выдавать свой брак по расчету за внезапно вспыхнувшую между ними страсть. Папен и Гугенберг пошли на эту сдѣлку, чувствуя, что им одним не удержать уже завоеванных позицій. Национал-соціалисты пошли на нее, учтя начавшееся спаденіе націонал-соціалистической стихіи. Надо думать, что втайнѣ каждая сторона мечтала о троянском конѣ. Национал-реакціонеры, отвоевав для Гугенберга положеніе «хозяйственнаго диктатора», рѣшили, что об эту скалу начнут быстро разбиваться одна за другой волны націонал-соціалистической агитаціи. Они шли на бой со своими новыми друзьями под лозунгом: «Вам слова, нам дѣла». Национал-соціалисты, отдавая Гугенбергу ключевыя позиціи хозяйства, про себя смекали, что они эту скалу сначала используют для организаціи вокруг нея приборнаго шума своих волн, а потом затопят.

Развитіе событій показало правильность их расчета. На другой же день послѣ революціи, реакціонеры отошли на задній план. Первый момент опредѣлил дальнѣйшее развитіе. Хозяйственный диктатор Гугенберг все еще молча бездѣйствует; вице-канцлер Папен бездѣйственно разговаривает. Вождь «Стальной Каски» благородно отбивается от злого натиска

желторубашечных штурмовиков. Единственное влияние национал-реакционеров сказывается, быть может, в том, что о борьбе с капитализмом что-то мало слышно. Даже лютей национал-социалистический антисемитизм, так беспощадно расправляющийся с еврейскими врачами, судьями и присяжными повѣренными, ничего не предпринимает против того «хищнически-паразитического еврейского капитала», против которого он метал громы и молнии, не будучи еще у власти.

Считать, что национал-социалисты уже окончательно избрали реакционную линию социальной политики, однако еще преждевременно. Пока Гитлер занят захватом и переустройством государственного аппарата. Как и в каком направлении он поведет свою политику, покажет будущее. Но в каком бы направлении он ее ни повел, — духовный облик его движения от этого не изменится. Тут последнее слово в сущности сказано. Оценка этого слова уже возможна, а потому и обязательна.

Всякое зло есть предательство истины. Глубина зла измеряется полнотою предаваемой им истины и глубиной акта предательства. Национал-социализм, с такою внезапною яростью обнаруживший свое подлинное лицо, не может нашему новгородскому сознанию не представляться злом, ибо он есть не что иное, как безоглядное предательство пореволюционной духовности темным силам вчерашняго дня.

Четырнадцать лѣт тому назад национал-социализм начал свою борьбу за новую Германию, окруженный тѣсным кольцом весьма разнообразных, но в чем-то главном все же и схожих пореволюционных течений. Рожденная войной и революцией, эти течения по разному соединяли в себѣ главныя темы «страшных лѣт» Европы. В трагическом опыте войны по-новому раскрылась пореволюционному сознанию религиозная глубина жизни. Военный разгром Германии обострил национальныя чувства, а рожденная этим разгромом гегемонія социал-демократіи в новой Германии заострила этот национализм против марксистскаго Интернационала и идеи классовой борьбы. Никаких прокапита-

идеологических устремлений этот антимарксизм в себя, однако, не таил. Наоборот: пореволюционная молодежь верно ощущала связь отрицаемой ею материалистической социал-демократии с плутократией капиталистического мира. Ея политическая воля была направлена не вспять, а вперед, в сторону религиозно-углубленного национального социализма. Таково в двух словах общее пореволюционному сознанию «туманное пятно», которое стало по разному оформляться в конкурирующих друг с другом пореволюционных течениях. Пальма первенства осталась за национал-социалистами. Почему?

К сожаленью, анализ той головокружительной карьеры, которую сдѣлала национал-социалистическая партия не оставляет ни малѣйшаго сомнѣнія в том, что это объясняется не особою силою и глубиною гитлеровских идей, а той легкостью, с которой национал-социализм, тысячами нитей связанный с очень глубокими переживаниями и подлинными запросами германскаго духа, пошел на предательство свободы, как пути осуществления своей правды. Предав свободу, национал-социализм предал и все остальное: и новое, порожденное войною религиозное ощущение жизни, и правду пореволюционнаго ощущения нации, и правду пореволюционнаго антимарксистскаго социализма.

Программа национал-социалистов опредѣленно говорит о христианствѣ; но христианскаго духа в национал-социализмѣ нѣтъ ни грана. Не только что христианин, ни один человекъ христианских настроеній не примет за христианство идеократическій монтаж Гитлера с утверждѣнием свастики вмѣсто креста, германской крови вмѣсто крови крестной и борьбы с чужеродным еврейством вмѣстѣ борьбы с первородным грѣхом.

Но Гитлер предает не только мало дорогую ему в сущности идею христианства, он предает и свою величайшую идею: нации.

Для всякаго религиозно-национальнаго сознания народъ есть живая, соборная личность. Всякая личность живет в постоянной борьбѣ с самой собою за себя самое. Борется с обуревающимъ ея грѣхом за заложенный в ней образ своего совершенства. Личность всегда в движеніи, всегда в свершеніях и совер-

шенствованіи. Она всегда в раздвоеніи, но и во-вѣкъ не дѣлима. Все это относится к отдѣльной личности в такой же мѣрѣ и степени, как к личности народа. Надо быть совершенно глухим к тайнѣ личности, надо ничего не знать о том соотношеніи грѣха, свободы и истины, которым строится всякая живая личность, чтобы утверждать, подобно націонал-социалистам, что их право на власть основывается на их полной невинности перед своим народом, а их долг загонять социал-демократов, коммунистов и евреев в концентраціонные лагеря на доказанной виновности всѣх этих творцов и защитников Версаля и Веймара. В этой фарисейски-большевицкой точкѣ зрѣнія, не знающей категоріи своего грѣха, нѣтъ и намек на религиозно углубленное ощущеніе національнаго лица. Корень пореволюціоннаго національнаго сознанія в покаяніи. Нераскаянность ведет к контр-революціонному окаянству. Пусть социал-демократы тысячу раз виноваты в подписаніи Версальскаго договора, вины національной Германіи и каждого отдѣльнаго нѣмца за этот социал-демократическій шаг это ничуть не умаляет. Нація только потому и есть нація, единое и недѣлимое національное лицо, что каждый ея член отвѣчает за ошибки и грѣхи других, как за свои собственныя. Нація есть прежде всего круговая порука и круговая отвѣтственность. Кто в фарисейском самомнѣніи самочинно изымает себя из этого круга, тот сам порывает связь со своей націей, как бы громко он ни кричал о своем націонализмѣ.

Только такую своеобразной денационализированностью націоналистическаго сознанія Гитлера и его соратников, только полной нечувствительностью к судьбам своего народа объяснимо то отношеніе к нѣмецким социалистам и евреям, что проявили націонал-социалисты за мѣсяц своего властвованія. Только люди, не пережившіе грѣха рожденнаго Германіей марксистскаго коммунизма, как грѣха своего собственнаго нравственнаго безсилія, могли так предательски обольшевичить душу и образ національной Германіи, как сдѣлали вожди нѣмецкаго национализма. Как для большевиков религія опиум для народа, так для націонал-социалистов «марксизм — народная отравка». Как для большевиков вездѣ попы,

так для гитлеровцев вездѣ жида. Как большевики за «попами» не чувствуют православной темы русской культуры, так націонал-соціалисты за социал-демократами и коммунистами не чувствуют органичности нѣмецкаго марксизма; его связи с Гегелем, а через Гегеля с Кантом и даже с Лютером. (Недаром же один національно настроенный нѣмецкій богослов написал весьма интересное изслѣдованіе об идеѣ протестантскаго воспитанія у Лютера, Канта и Маркса). Но в том то и дѣло, что націонал-соціалисты вообще не ощущают сложнаго лица нѣмецкаго народа. Чувствуй они его, как могли бы они символическим открытіем Рейхстага в Потсдамѣ провозгласить крестным отцем Германіи Фридриха Великаго, скептика и вольтеріанца, безбожнаго поклонника французской культуры, котораго, в противовѣс романтику-реакціонеру, Фридриху-Вильгельму IV, духовному отцу нынѣшних Папенов, славил молодой Маркс и его ближайшіе друзья, члены докторскаго клуба берлинских лѣво-гегельянцев. И еще непонятіе: ссылка на Гете, этого величайшаго христіанскаго гуманиста, перваго гражданина всемірной республики духа, сущность и символ всего того, на что возсталъ хр. стіанствующая солдатчина націоналистическаго соціализма.

Продумывая до конца намѣченную параллель большевизма и націонал-соціализма, нельзя не видѣть, что во многих отношеніях націонал-соціализм страшнѣе большевизма. С чисто политической точки зрѣнія и в чисто политическом отношеніи не может быть, конечно, сомнѣнія в том, что побѣда коммунизма в Германіи была бы несравненно большим злом, чѣм побѣда націонал-соціализма. И не только потому, что побѣда коммунизма означала бы удвоеніе зла, усиленіе коммунизма, — побѣда же націонал-соціализма означает раздвоеніе зла и ослабленіе коммунизма. Но и потому, что Гитлер и его соратники, вопреки ленинскому утвержденію, что революцій в перчатках не сдѣлаешь, очевидно, стремятся к тому, чтобы сдѣлать ее в бѣлых офицерских перчатках и скрыть от народа кровавыя пятна на них. Боясь хаоса и массоваго безумія, они, думается, пойдут скорѣе путем итальянскаго фашизма, чѣм путем большевицкой революціи. Фашизм же стоил Италіи несравненно

меньше крови и жертв, чѣм большевизм Россіи. Все это вѣрно, но все это лишь одна сторона вопроса. Есть и другая.

Коммунизм громко и односмысленно отрицает Бога, родину и свободу. Для него характерно надругательство над всѣми святынями. Но ему чуждо ханжество. Совсем иное — націонал-соціализм; он утверждает и Бога, и человѣка, и родину, и свободу, но, утверждая всѣ эти верховныя истины, он их единым же духом и предает.

Врывающийся в пасхальную заутреню в церковь комсомолец, не вѣдающий, что творит, конечно, страшен, но подъѣзжающіе послѣ торжественнаго богослуженія в цилиндрах, офицерских мундирах и партійных формах к роскошному подъѣзду королевской оперы, депутаты-націоналисты, вчера по командѣ ставшіе христіанами и собирающіеся в качествѣ таковых огнем, мечом и молитвою выжечь марксистов и евреев, еще страшнѣе.

Религіозно нравственная сфера однако не единственная, в которой сопоставленіе большевизма и націонал-соціализма оказывается невыгодной для послѣдняго. То же самое повторяется и в сферѣ соціальной. Большевизм ужасен, преступен, богопротивен, но в ужасной варварской формѣ большевицкаго коммунизма звучит все же центральная тема эпохи: соціальное устройство всего человѣчества на землѣ. В большевизмѣ есть всемірность и потому острый соблазн для народов всѣх материков. Ничего подобнаго в націонал-соціализмѣ нѣтъ. Кого кромѣ нѣмцев может увлечь идея превосходства германской расы над остальными? В чьих сердцах может в XX столѣтіи загорѣться чуждая нашему времени идея біологически обосновываемаго націонализма? Выступать против всемірнаго зла большевизма с таким провинціальным духовным оборудованием, каким каждому человѣку, чувствующему, что сейчас происходит в мірѣ, не может не представляться гитлеровскій расизм, значит заранѣе обречать свое выступленіе на неудачу.

Захват власти націонал-соціалістами произвел сильное впечатлѣніе на русскую эмиграцію. Не может быть сомнѣнія, что он прочертил в ея политическом сознаниі новыя разграничительныя линіи. В лѣвом секторѣ лѣваго марксизма, уже давно трепещущем перед фашистским переворотом в Совѣтской Россіи и, надо думать, наиболее остро переживающем изувѣрское отношеніе націонал-соціалистов к соціал-демократам и евреям, не может не зародиться мысль, что лучше бы уж побѣдили в Берлинѣ коммунисты. Для выясненія нашей позиціи скажем: коммунисты не имѣли никаких шансов на побѣду. Вопроса: коммунисты или націонал-соціалисты? в момент назначенія Гитлера канцлером не существовало. Но если бы таковой вопрос существовал, то сомнѣваться не приходится: для Россіи и нашей политической борьбы против большевиков побѣда коммунистов в Германіи была бы много хуже.

То, что побѣда коммунистов была, совершенно очевидно, исключена, дѣлает не только непонятным, но и нравственно трудно пріемлемым тот факт, что политики, которые слова «Право» и «Собственность» еще вчера писали с большой буквы, нынѣ безоговорочно привѣтствуют побѣду презирающаго всякое право Гитлера над правовым строем Германіи, строго охранявшим «Святую Собственность» и «Свободу Личности». В печальном фактѣ этого ненужнаго привѣтствія чувствуется полное разложеніе пережившей себя политической мысли и воли.

Важнѣе отношеніе к Гитлеру наших пореволюціонных теченій. Для них націонал-соціализм представляет большой соблазн и большое испытаніе. Боимся, что младороссы на этот соблазн уже поддались. Два факта оправдывают нашу подозрительность. Во-первых, они поспѣшили возложить на могилу полицейскаго вахмистра и націонал-соціалистическаго штурмовика «вѣнок в видѣ большого православнаго восьмиконечнаго креста из живых цвѣтов». Во-вторых, они выписали в дни позорнаго наступленія семидесятимилліоннаго нѣмецкаго народа на шестьсот тысяч евреев в Париж націонал-большевицкаго теоретика русскаго антисемитизма — Дмитріевскаго.

Оба эти дѣйствія, если только это не промахи тактикѣ и не проявленія политической безтактности — во что трудно по-

вѣрить — представляются нам грубыми ошибками. Правда подлинной пореволюціонности не совместиима ни с легкомысленной готовностью трепать православный крест по политическим митингам и демонстраціям, ни с материалистически-біологическим пониманіем націи. Отвѣтственному и преуспѣвающему младоросскому теченію нельзя не понимать: «восьмиконечный православный крест» обязывает. Вѣдь, потому он и не стал в старой царской Россіи силой и символом той социальной монархіи, к которой стремятся младороссы, что был не столько крестом, сколько мечом, направленным против свободы и справедливости, социалистов и евреев. Как же можно послѣ всего, что случилось в Россіи, послѣ той страшной муки, которую церковь заплатила за свой слишком тѣсный союз с полицейским участком, благословлять православным крестом націоналистическое язычество гитлеровскаго фашизма? Этим путем можно вести к элементарной контр-революціи, но не в царство пореволюціонной Россіи. Пореволюціонность заключается не в том, чтобы привѣтствовать плановое хозяйство и лодѣлываться под язык и психологію комсомола. Пореволюціонность — это прежде всего рожденная религіозно-углубленным пониманіем революціи новая духовность, стремящаяся к религіозному преображенію міра, а не к переокраскѣ нынѣшняго большевика под вчерашняго православнаго молодца.

С вѣрою в дух не соединима и «русскость» Дмитріевскаго. Ясно, что Россія имѣет право на русскость, но забота о чистотѣ, красотѣ и правдивости нашего національнаго лица не имѣет ничего общаго с неонѣмецкой выдумкой о древне-русской крови. Этот біологическій материализм, отрицающій чужекровнаго инородца, ни на іоту не духовнѣе социологическаго материализма, отрицающаго буржуа. В особенности нелѣп он в примѣненіи к Россіи, державное величіе которой исторически связано с этнографическим богатством населяющих ея народностей. Этого факта не отрицает впрочем и Дмитріевскій. Его открытая русскость, как он ни оговаривается, все же лишь обратная сторона скрытаго антисемитизма. Что русскіе евреи не участвовали в созиданіи русскаго государства, это вѣрно, но развѣ их участіе в русской культурѣ и русской революціи не

дает им права на ту же степень русскости, которой Дмитриевский как будто бы не отрицает за прибалтийскими нѣмцами, принимавшими от Бирона до Плева очень большое участие в создании русскаго государства, на что, к слову сказать, особенно любит ссылаться Гитлер и его спец по иностранной политикѣ фон-Розенберг, один из тѣх балтийцев, что так охотно повторяли: «Die Russen sind Schweine, aber wir sind kaisertreu».

Останавливаться на всем этом подробно в настоящей статьѣ невозможно. Мы касаемся всѣх этих вопросов лишь с тѣм, чтобы указать младороссам на необходимость выбора: или православный крест — в Церкви, не на улицѣ, — дух свободы и социально справедливости, — или: христіанское суесловіе, злоупотребленіе религіозными символами, матеріалистическое череповѣріе, насильничество и произвол. Никакой компромисс между этими отрицающими друг друга началами для религіознаго, національнаго и соціальнаго пореволюціоннаго сознанія не допустим.

Редакція.